

О. А. Орлова

«Бог и человек: единство и различия» в произведениях Н. Ф. Федорова и А. П. Платонова

В статье предпринята попытка показать смысл понятий «Бог» и «человек» в творчестве двух известных писателей, философов, мыслителей — Н. Ф. Федорова и А. П. Платонова. Николай Федорович Федоров был верующим человеком, его философские взгляды повлияли на молодого Андрея Платонова, чья литературная деятельность начиналась в революционную эпоху, когда духовные основания жизни подвергались сомнению, проверке.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Н. Ф. Федоров, А. П. Платонов, проблемы мистики, Бог, человек.

Во все времена была актуальна тема взаимоотношений между Богом и человеком. При формировании тех или иных взглядов часто можно проследить влияние исторического периода, тех процессов, которые проходило человечество в тот или иной момент времени. В данной статье мы рассмотрим взгляды двух писателей, живших в конце XIX — начале XX в., на тему «Бог и человек: единство и различие»: Николая Федоровича Федорова (1828/1829–1903), в основном по работе «Философия общего дела», и Андрея Платоновича Платонова (1899–1951) — на основе сборника статей «Возвращение», рассказов «Усомнившийся Макар», «Сокровенный человек», а также некоторых других работ. Творчество А. П. Платонова с этих позиций нам мало известно. Взгляды Н. Ф. Федорова оказывали влияние на творчество Платонова с раннего возраста.

Для Николая Федорова единственным возможным способом существования человека является такой, когда целью и содержанием его индивидуального бытия становится бытие всех других, что означает не уничтожение личности ради безличного единства и не отречение от собственного эгоизма ради эгоизма другого, но

«жизнь со всеми и для всех». Рассмотрев основные религиозные учения, он приходит к выводу: единственный найденный человечеством идеал истинного существования — это образ христианского Троиединого Бога.

При этом Федоров считает, что для самих христиан Троица есть «мертвый догмат, не имеющий для жизни никакого значения», так как между идеалом и реальностью существует глубокий разрыв.

Пока в жизни, в действительности, самостоятельность лиц будет выражаться в розни, а единство — в порабощении, до тех пор многоединство, как подобие Троиинства, будет лишь мысленным, идеальным. Если же мы не допускаем отделения действия от мысли, то Троиединство будет для нас не идеалом лишь, а проектом, т. е. не надеждою только, а заповедью. Только делая, осуществляя на деле, можно понимать [Федоров, 90].

Воплощением этого разрыва является факт смерти. Поэтому именно преодоление смерти Н. Ф. Федоров считает главной заповедью Троиединого Бога, основной задачей и целью общего дела всего человечества:

Божественное Существо, которое в Самом Себе показало совершеннейший образец общества, Существо, Которое есть единство самостоятельных, бессмертных личностей, во всей полноте чувствующих и сознающих свое неразрываемое смертию, исключающее смерть единство, — такова христианская идея о Боге, т. е. это значит, что в Божественном Существом открывается то самое, что нужно человеческому роду, чтобы он стал бессмертным. Троица — это церковь бессмертных, и подобием Ей со стороны человека может быть лишь *церковь воскресенных*. В Троице нет причин смерти и заключаются все условия бессмертия [Федоров, 90].

Интересна трактовка образа Святой Троицы: «Божество есть одухотворенные Сын и Дочь, безграничную любовь к Отцу питающие» [Федоров, 95]. «Если в учении о Троице Дух не будет представлен образцом для дочери, то сама Троица обратится в безжизненную, монашескую, платоновскую, или платоническую» [Федоров, 95]. Отношение к божественному первообразу как к женскому началу не случайно, оно выражает какие-то глубинные стремления русского религиозного сознания, прослеживаемые еще с почитания св. Софии. Любопытно в связи с этим его понимание места Богородицы:

Архистратиг Михаил и Пресвятая Дева — Богоматерь на время как бы затмили поклонение Св. Троице, ибо от Архистратига чаяли победы, а от Матери Божией — утешения в утратах, неизбежных и при самых победах [Федоров, 118].

Федоров считал, что не останется места индивидуализму ни в какой его форме, если ум и сердце человека проникнутся образом Св. Троицы. Такой задачи ни одна из религий, кроме христианства, не ставила и не могла поставить, поскольку до Иисуса Христа образ Бога как Троицы еще не был явлен человечеству. Никакой тени индивидуализма в Троице нет.

Вторая сторона тринитарного проекта по Федорову — наша человеческая природа, как в ее наличном состоянии, так и в потенциальных возможностях. Божественный замысел о человеке непостижим для человеческого сознания. Природный индивидуализм, который необходимо преодолеть, является фундаментом свободной личности. Сама наша жажда жизни, желание никогда не умирать имеют вполне природный характер — индивидуальный или родовой. И только через опыт всей человеческой истории мы осознаем, что единственно возможный путь к вечной жизни лежит через изменение нашего природного, животного, падшего сознания. Изменения возможны сначала через требования Ветхого завета, затем через Откровение образа Троицеобразного Бога. Понять и тем более приступить к реализации этого призыва мы сможем лишь по мере того, как наш основной инстинкт — воля к выживанию — будет становиться тринитарным.

Не напрасно Федоров так опасался «мистицизма» и старался избегать всякого упоминания о посмертном существовании души (хотя прямо никогда его не отрицал).

При мистицизме не требуется объединения ни разума, ни чувства, ни воли... <...> Долг воскрешения является пустым звуком, потому что ни к чему не обязывает, никакого дела не указывает, все делается само собою, без участия человека [Федоров, 420–421].

По его мнению, плохи те христиане, которые надеются, что все происходит «без участия человека, без участия его ума, чувства, воли; все способности его и он сам оказываются ни на что не нужными, все преподносится человеку даром» [Федоров, 421].

В отличие от многих современных православных богословов, епископ Диоклийский Каллист (Уэр) высоко оценивает тринитарную концепцию Федорова. В своем докладе на Международной богословско-философской конференции на тему «Пресвятая Троица»¹ он говорил:

...Вера в Бога как Троицу, столь далекая от того, чтобы быть спекулятивной и теоретической, имеет непосредственное, преобразовательное значение для нашей повседневной жизни. Николай Федоров совершенно прав, когда говорит, что наша христианская социальная программа — это учение о Троице. <...>

...Настоятельное требование, которое выдвигает нам учение о Троице, понятое в соответствии с парадигмой взаимной любви, — требование, касающееся жизни и деятельности каждого из нас. Вне и помимо Троицы никто из нас не может быть в полном смысле личностью. <...> Если бы мы отважились воистину быть «копиями Троицы», мы могли бы перевернуть мир [Каллист, 288].

Еще одним вопросом философии Н. Ф. Федорова был вопрос о личности и роде, и о невыделении личности из массы составляющих род. Только в учении о родстве вопрос о толпе и личности получает решение: единство не поглощает, а возвеличивает каждую единицу, различие же личностей лишь скрепляет единство, которое заключается, во-первых, в сознании каждым себя сыном, внуком, правнуком, праправнуком... потомком, т. е. сыном всех умерших отцов, а не бродягою, не помнящим родства; и во-вторых, в признании каждым со всеми вместе, а не в розни, не в отдельности, как в толпе, долга своего к ним, ко всем умершим отцам, долга, ограничения коего исходят только из чувственности или, точнее, из злоупотребления чувственностью, которое и дробит массу (сельский род), превращает ее в толпу. Только Сын Человеческий есть великий Человек, пришедший в меру возраста Христова; все же так называемые великие люди не достигали этого возраста. Прийти в меру возраста Христова — значит сделаться именно сыном человеческого, ибо и сам Христос называет себя Сыном Человеческим. Народ становится объединением сынов для дела воскрешения отцов. Существование сынов человеческих, воскресителей необходимо, если цель жизни состоит в обращении слепой силы природы в управляемую разумом всех воскрешенных поколений.

1. Даниловский монастырь, 6–9 июня 2001 года.

Андрею Платоновичу Платонову² с ранних лет были близки идеи Федорова, об этом свидетельствуют некоторые его стихи, написанные в 12-летнем возрасте. Воскрешение человека — один из основных мотивов в творчестве Платонова, но с Воскресением Христа — большой вопрос. Можно сказать, что у него мир после смерти Христа, но «до» или «без» Воскресения. При этом то, что Христос умер, сообщается, как бесспорный факт, неоднократно в разных произведениях. Принимая революцию и веря в социализм, Платонов очень ясно видит трагическую сторону строительства социализма. Он не был атеистом, но как и во что он верил — большой вопрос для многих исследователей его творчества. Как пишет И. Спиридонова, «платоновская религиозность — религиозность особого толка. Она не укладывается в рамки определенного верования. “Верую” Платонова, являющееся важнейшей составляющей его мировоззрения, в ходе творческой эволюции наполнялось разным, подчас драматически не стыкующимся между собой содержанием. Но его корнем всегда оставалась вера отцов — православие. Это задано родиной, народом, судьбой» [Спиридонова, 349]. Другой вывод делает, например, о. Александр Шмеман, приводя в дневниках слова Н. А. Струве:

Пятница, 9 марта 1973. Письмо от Никиты Струве с замечательной, по моему, оценкой Платонова: «...Платонов, бесспорно, замечательный писатель, владеющий каким-то доселе неслышанным языком, но, на мой взгляд, писатель не гениальный, потому что “с сумасшедшинкой” и болезненным восприятием мира. Есть в нем и какая-то недосказанность: все в его мироощущении предполагает веру, а была ли у него вера в Бога — неясно. Он не верил в смерть, но тем самым снимал как бы с человеческой судьбы ее трагичность. Это какой-то Достоевский без веры, из видения Версилова — расслабленно доброе, но безвольное человечество. Солженицын с его волевым упором, с его силой и здоровьем куда выше и, главное, куда нужнее...» [Шмеман].

2. А. П. Платонов вырос в семье с большим числом детей, посмотрелся на страдания и смерти (в том числе и своих братьев и сестер), семья жила в среде мастеровых, железнодорожных рабочих. Подростком начал работать, революцию принял как спасение от ужаса дореволюционной жизни. «Россия, которую мы потеряли...» — это совсем не про него, он в дореволюционной России видел царство смерти.

Воевал в Красной армии, был инженером, занимался электрификацией и мелиорацией. После

повести «Впрок» и рассказа «Усомнившийся Макар» его или не печатают, или печатают — и тут же следуют разгромные рецензии (в России потом печатали чуть-чуть в 1960-е, «Чевенгур» (роман) — только в 1989 г.).

Его 15-летний сын был арестован в 1938 г., а отпущен в 1940. Сын вернулся больным туберкулезом. Ухаживая за ним, А. П. Платонов заразился и умер в 1951 году.

Люди у Платонова живут одинокими в страдающем мире, они хотят избавления, счастья, хотят в Рай — но не знают личного общения с Богом. Не с тем богом, который «свой брат человек», а с Тем, Кто и Человек, и Бог. Платонов создает образ Бога, Который близок человеку. Эта задача решается уже в ранних стихах и в публицистике 20-х годов. В статьях этого периода двадцатилетний автор обличает церковь:

Мертвые молитвы бормочут в храмах служители мертвого Бога. В позолоте и роскоши утопают каменные храмы среди голого нищего русского народа [*Христос и мы*].

И забыт главный завет Христа: царство Божье усилием берется [*Христос и мы*].

Христос показывается здесь как «великий пророк гнева и надежды» и товарищ человека по революционной борьбе.

Тут зло, но это зло так велико, что оно выходит из своих пределов и переходит в любовь, — ту любовь, ту единственную силу, творящую жизнь, о которой всю жизнь говорил Христос и за которую пошел на крест [*Христос и мы*].

Христос в ранней публицистике Платонова — только человек и этим он близок «нам».

Люди видели в Христе бога, мы знаем его как своего друга. Не ваш он, храмы и жрецы, а наш. Он давно мертв, но мы делаем его дело — он жив в нас [*Христос и мы*].

Повесть «Котлован» написана в начале 30-х годов. Многие в церкви погублено. Платонов свидетельствует о том, что видит в это время — храм пуст, святые равнодушны:

В храме горели многие свечи; свет молчаливого, печального воска освещал всю внутренность помещения до самого подспудья купола, и чистоплотные лица святых с выражением равнодушия глядели в мертвый воздух, как жители того, спокойного света, — но храм был пуст [*Котлован*, 80].

Слова Христа «Вы друзья Мои...»^{*1} переворачиваются, и уже не Он — нас, а мы Его «берем в друзья», причем именно в това-

^{*1} Ин 15:14

рищи по оружию, как активного участника классовой борьбы, что противоречит сути христианства. Словосочетание «мертвый Бог» существует на пересечении буквального значения — речь идет о смерти Спасителя на Кресте — и переносного («мертвый» как «неправильный» бог безжизненной, примирившейся со злом веры). Происходит искажение того, что Бог, воплотившись, умер на Кресте и Он же воскрес (у Платонова о Воскресении Христа не говорится).

В повести «Котлован» герои говорят о Христе как о вполне реальном человеке, и видят Его жизнь скучной, как свою:

— Смотри, Чиклин, как колхоз идет на свете — скучно и босой.

— Они потому и идут, что босые, — сказал Чиклин. — А радоваться им нечего: колхоз ведь житейское дело.

— Христос тоже, наверно, ходил скучно, и в природе был ничтожный дождь.

— В тебе ум бедняк, — ответил Чиклин. — Христос ходил один неизвестно из-за чего, а тут двигаются целые кучи ради существования [*Котлован*, 76].

В это же время в России был явлен опыт исповедников и новомучеников; понятно, что об этом нельзя было писать, и многим людям невозможно было этого узнать. В такой ситуации выход из духовного кризиса не найти в художественном мире. Как напишет Платонов в «Записных книжках», «главное зло — люди обладают всегда лишь частью знания (если знание истинно); тогда как действительность — больше знания всегда. Применение части к целому и создает трагическую обстановку» [*Записные книжки*, 267].

В «Записных книжках» Платонов пробует взглянуть на события земной жизни Христа так, будто это даже не «наш товарищ», а наш сосед по квартире:

Иисус был сирота. Искал отца. Иосиф — муж Марии, старик — не являлся отцом Иисуса и, вероятно, упр<екал> Марию. Тогда впечатлительный Иисус и <взял? — утрач.> себе в родители отца <утрач.> общего. Так, возможно, из <утрач.> неисключительного случая, из обыденного детского горя все и пошло [*Записные книжки*, 271].

У Андрея Платонова есть такие записи:

Бог есть и бога нет. То и другое верно. Бог стал непосредственен *etc.*, что разделился среди всего — и тем как бы уничтожился. А «наследники» его, имея

в себе «уголь» бога, говорят, что его нет — и верно. Или есть — и верно тоже. Вот весь атеизм и вся религия [*Записные книжки*, 257].

«Уголь бога» заметен в персонажах произведений Платонова. Многие из центральных героев (близких автору, наделенных автобиографическими чертами) изображаются во время «тридцатилетия личной жизни» [*Платонов. Т. 2*, 308].

Многие из ценностей, утверждаемых в произведениях Платонова, совпадают с христианскими. Но если по Евангелию праведность — это любовь к Богу и к человеку, то в произведениях Платонова иногда оказывается, что любовь к Богу и жертвенная любовь к человеку не просто не связаны, но могут исключать друг друга. В рассказе «Маркун» главный герой, принадлежащий к типу персонажей, близких автору, обретает веру в человека, потеряв веру в Бога, и в изображении Платонова такая ситуация ощущается как напряженная, но при этом не трагичная:

...В детстве, когда он потерял веру в Бога, он стал молиться и служить каждому человеку, себя поставил в рабы всем и вспомнил теперь, как тогда ему было хорошо. Сердце горело любовью, он худел и гас от восторга быть ниже и хуже каждого человека. Он боялся тогда человека, как тайны, как Бога и наполнил свою жизнь стыдливою жертвою и трудом для него.

Раз он полдня сгружал на станции дрова из вагона, а на заработанные деньги купил красную погремушку ребенку-слепцу, который жил у соседей в сарае, куда запирала его мать, чтобы он не убежал и не убился, когда она уходила на работу [*Платонов. Т. 1*, 209].

Чудесное преображение героя, которое должно стать «воскресением бедняка» («...дабы вместо Воскресения Христа устроить воскресение бедняка в колхозе» [*Платонов. Т. 1*, 209]), кончается глупо и трагически — воскресение приводит к своей полной противоположности, к смерти! Вроде бы есть сказочный счастливый конец, но от этого счастья Филат и умирает. Заменить Воскресение Христа оказалось все-таки невозможно, подражать Христу не получилось.

В повести «Впрок» Упов объясняет, что нужно человеку:

Упов посмотрел на меня странно беззащитными глазами, какие бывают у мучающихся и сомневающих людей.

— По-твоему, наверное, тоже Ленин умер, а один дух его живет? — вдруг спросил он.

Я не мог уследить за тайной его мысли и за поворотами настроения.

— И дух и дело, — сказал я. — А что?

— А то, что ошибка. Дух и дело для жизни масс — это верно, а для дружелюбного чувства нам нужно иметь конкретную личность среди земли [Впрок].

Платонов изображает духовную ситуацию, в которой Рай (родство с другим человеком, природой и материей, избавление от страданий и смерти) человеку нужен, а Бог, Тот, Кто не равен человеку и так запросто не доступен для «дружелюбного чувства», личное общение с Ним — неизвестно, нужны или нет.

Говоря об образе Бога в творчестве Платонова, можно сказать, что ощущается скорее не Его осязаемое присутствие, а «значимое отсутствие», и это не то же самое, что атеистическое отрицание. В произведениях Платонова скорее прослеживается равнодушие к личному общению с Богом, но при этом существуют такие образы и мотивы, как «угль Бога», упоминаемый в «Записных книжках», древний ангел, чьи черты проступают на лицах спящих людей, бездонное небо, жизнь сердца и исцеляющая любовь, на которой держится мир, а источник этой любви не назван.

* * *

Исследуемые писатели иллюстрируют разные подходы к восприятию Бога, человека, видению мира, пониманию места Бога, человека в этом мире. Н. Ф. Федоров, так же как, например, более поздний философ В. Н. Лосский, пишет о Боге, рассматривая отношения лиц святой Троицы и в связи с этим отношения человека с Богом-Троицей. Для человека возможен акт Богопознания — через принятие Христа, через христоцентричное устроение жизни.

Взгляды Федорова полагают смысл жизни человека в принятии Святой Троицы, принятии Христа в свою жизнь и только через это видится возможным раскрытие личности. Взгляды Платонова важны для иллюстрации того, как революция и изменение сущностных ориентиров могут сломить человека, подрезать его корни и возможности для рождения личности.

Интересно одно наблюдение еп. Макария (Опоцкого)³, который был современником А. П. Платонова и в своих размыш-

3. Макарий (в миру Николай Михайлович Опоцкий; 16 [28] ноября 1872, посад Сольцы, Псковская губерния — 9 ноября 1941, Витка) — епископ Русской православной церкви; с 1924 — епископ Череповецкий, викарий Новгородской епархии.

лениях отталкивался от того, что церковь обмирщена. Но для еп. Макария этот факт стал импульсом к созиданию братства и поиску форм для углубления духовной жизни, а А. П. Платонова привел к уходу от Христа — Богочеловека, ко Христу — другу революционеров.

Литература

1. *Впрок* = Платонов А. П. Впрок. URL: <http://platonov-ap.ru/stories/vprok> (дата обращения: 02.12.2013).
2. *Записные книжки* = Платонов А. П. Записные книжки : Материалы к биографии. М. : Наследие, 2000. 410 с.
3. *Каллист* = Каллист (Уэр), еп. Святая Троица — парадигма человеческой личности // Пресвятая Троица : Материалы международной богословско-философской конференции Русской православной церкви : Москва, 6–9 июня 2001 г. М. : Синодальная Богословская комиссия, 2002. С. 275–288.
4. *Котлован* = Платонов А. П. Котлован : Текст, материалы творческой истории. СПб. : Наука, 2000. 384 с.
5. *Платонов. Т. 1* = Платонов А. П. Собр. соч. : В 5 т. Т. 1 : Стихотворения. Рассказы и повести, 1918–1930. Очерки. М. : Информпечать, 1998. 603 с.
6. *Платонов. Т. 2* = Платонов А. П. Собр. соч. : В 5 т. Т. 2 : Чевенгур. Роман. Котлован. Повесть. Впрок. Ювенильное море. М. : Информпечать, 1998. 542 с.
7. *Спиридонова* = Спиридонова И. Христианские и антихристианские тенденции в творчестве Андрея Платонова 1910–1920-х годов // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Петрозаводск, 1994. С. 348–360.
8. *Федоров* = Федоров Н. Ф. Философия общего дела / Ред. В. А. Кожевникова и Н. П. Петерсона. В 2 т. Т. 1. Верный : Тип. Семиречен. обл. правл., 1906. 732 с.
9. *Хлеб и чтение* = Платонов А. П. Хлеб и чтение // «Страна философов» Андрея Платонова : Проблемы творчества. 2000. Вып. 4. С. 885–936.
10. *Христос и мы* = Платонов А. П. Христос и мы. URL: <http://platonov-ap.ru/publ/hristos-i-my> (дата обращения: 30.11.2013).
11. *Шмеман* = Шмеман Александр, прот. Дневники : 1973–1983 / [Составление, подготовка текста У. С. Шмеман, Н. А. Струве, Е. Ю. Дорман]. М. : Русский путь, 2005. 717 с.

O. A. Orlova

“God and Man: Unity and Differences” in the Works by N. F. Fyodorov and A. P. Platonov

The article attempted to highlight the meaning of the notions “God” and “man” in the works by the two renowned writers, philosophers, and thinkers N. F. Fyodorov and A. P. Platonov. Nikolay Fyodorovich Fyodorov was a believer; his philosophical views had an impact on the young Andrey Platonov, whose literary activity began in the revolutionary period when the spiritual bases of life were subject to questioning and rethinking.

KEYWORDS: N. F. Fyodorov, A. P. Platonov, issues of mystics, God, man.